

ДИОНИС ПРОНИН

ЖИТЬ
или
УМЕРЕТЬ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дионис Пронин

Жить или умереть?

<https://litres.ru/74419013>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами — не история о монстре, а попытка заглянуть в бездну, из которой родился Конструктор. Фанфик раскрывает переломные моменты жизни Джона Крамера: от тихого семейного счастья до череды ударов судьбы, навсегда изменивших его взгляд на мир.

Содержание

Предисловие	4
Жить или умереть	7
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Дионис Пронин

Жить или умереть?

Предисловие

Жизнь редко даёт нам шанс увидеть, из чего на самом деле состоит человек. Обычно мы замечаем лишь фасад: улыбку, вежливые слова, привычную рутину. Мы спешим, не глядя, живём на автопилоте, пока что-то не ударит по рёбрам и не заставит остановиться. И только в этот миг, когда земля уходит из-под ног, становится ясно: кто-то ломается, кто-то прячется, а кто-то вдруг видит мир с пугающей ясностью.

Я видел.

Сначала это была просто череда ударов судьбы — один за другим, без передышки. Потеря, которая выжигает изнутри. Диагноз, звучащий как приговор. Отказ, упакованный в сухие слова о «нецелесообразности». Каждый из них пытался убедить меня, что я — уже не человек, а статистика. Но именно в этой тишине, когда рушатся все привычные опоры, приходит самое горькое прозрение: большинство людей не ценят жизнь. Не потому что они злые или равнодушные — просто они не знают, каково это, когда выбора больше нет.

Я не хотел быть мстителем. Не хотел быть карателем. Я хотел быть тем, кто возвращает людям способность чувство-

вать. Кто заставляет их проснуться, пока ещё не поздно. Мои игры — это не развлечение и не способ утолить жажду крови. Это зеркало. Жёсткое, безжалостное, но честное. В нём человек видит себя настоящего: свои слабости, свои компромиссы, свои оправдания. И в тот момент, когда перед ним встаёт выбор — жить или умереть, — он наконец понимает, как много значит каждый вдох.

Не все проходят испытание. Не все достойны второго шанса — или, вернее, не все готовы им воспользоваться. Но те, кто действительно хочет жить, кто готов заплатить за это самую высокую цену, получают его. И пусть этот шанс не делает их святыми, пусть он не стирает прошлое, — он меняет их навсегда.

Кто-то назовёт меня чудовищем. Кто-то — спасителем. Но я не стремлюсь ни к осуждению, ни к славе. Я лишь пытаюсь разбудить тех, кто спит на ходу. Показать им, что жизнь — это не бесконечный запас, который можно тратить на пустые обиды, мелочные сделки с совестью и страх сделать шаг в неизвестность.

Если ты читаешь эти строки, знай: твоя жизнь ценна. Даже если ты сам в этом давно разуверился. Даже если тебе кажется, что всё уже потеряно. Пока бьётся сердце, есть шанс всё изменить. Вопрос лишь в том, хватит ли у тебя смелости посмотреть правде в глаза и сделать этот выбор.

— *Джон Крамер*

Жить или умереть

До того, как мир узнал его как Пилу, Джон Крамер был уважаемым инженером и строителем с твёрдой верой в созидание. Его профессиональная жизнь строилась вокруг идеи, что архитектура и инженерия — это не просто чертежи и расчёты, а способ менять реальность к лучшему. Он не просто возводил стены: он вкладывал в проекты смысл, считая, что пространство, в котором живёт человек, напрямую влияет на его судьбу.

Джон тесно сотрудничал со своим другом и юристом Артом Бланком. Арт был не просто деловым партнёром: он разделял убеждение Джона в том, что бизнес может быть инструментом социальной справедливости. Вместе они основали фонд Urban Renewal Group, который занимался развитием недвижимости для людей с низким доходом. Девизом фонда стала фраза: «Дом строится в четырёх стенах, но жизнь — в возможностях».

Арт Бланк отвечал за юридическую сторону: оформление прав собственности, переговоры с городскими властями, защиту интересов фонда в спорных ситуациях. Он умел находить лазейки в бюрократических процедурах и добиваться льгот для проектов, которые другие считали бесперспективными. Джон же отвечал за проектирование и реализацию: он лично участвовал в разработке планов, контролировал

стройку, следил за тем, чтобы каждый квадратный метр работал на благо общества.

Их модель была необычной: они скупали заброшенные здания и участки, восстанавливали их и превращали в жильё с доступной арендой. Первым таким объектом стал старый мясокомбинат по адресу 11235 Блейк Драйв. Джон видел в нём потенциал: массивные стены и высокие потолки позволяли создать просторные квартиры-лофты, а большая территория вокруг подходила для общественных пространств. Арт помог оформить сделку так, чтобы фонд получил налоговые льготы, а город — обещание, что территория не останется пустырём.

Работа над этим проектом стала для Джона чем-то вроде миссии. Он часто говорил: «Если мы можем дать человеку крышу над головой, мы уже спасли его от одной беды». Арт смеялся в ответ: «А я добавлю: если мы сможем защитить эту крышу от бюрократии, мы спасём его от второй». Их партнёрство держалось на этом балансе: Джон верил в силу со-зидания, Арт — в силу закона.

Однажды утром Джон приехал на площадку раньше обычного. Солнце только начинало пробиваться сквозь серую дымку, и старые кирпичные стены мясокомбината казались почти чёрными на фоне бледного неба. Он обошёл периметр, касаясь ладонью шершавой кладки, будто проверял, дышит ли здание. В его голове уже складывался план: здесь — общественная кухня, там — мастерские для ремесленни-

ков, на верхнем этаже — жилые блоки с большими окнами, чтобы внутрь попадало как можно больше света.

— Ты опять здесь до рассвета, — раздался за спиной знакомый голос.

Джон обернулся. Арт стоял у входа, держа в руках папку, набитую бумагами, и выглядел так, будто провёл ночь в переговорах. На его лице читалась усталость, но в глазах горел тот самый упрямый огонёк, который появлялся, когда он чувствовал, что победа близка.

— Если не успеть всё продумать сейчас, потом не будет времени исправлять ошибки, — ответил Джон, возвращаясь к чертежам, разложенным на ящике из-под стройматериалов.

Арт подошёл ближе, бросил папку рядом и вздохнул, оглядывая здание.

— Знаешь, вчера я сидел до двух ночи, чтобы выбить нам эти льготы. Чиновники цеплялись к каждой запятой. Но я добился. Теперь у нас есть право на пониженную ставку по налогу на имущество и отсрочку по коммунальным платежам на первые два года.

Джон поднял на него взгляд, и в его глазах мелькнуло то, что редко там появлялось, — искреннее облегчение.

— Спасибо, Арт. Без тебя это было бы невозможно.

Арт махнул рукой, будто отмахиваясь от благодарности.

— Не благодари. Просто сделай так, чтобы эти стены стояли всех моих нервов. Чтобы люди, которые сюда въедут,

чувствовали, что у них есть шанс.

Они поднялись на второй этаж, где когда-то располагались холодильные камеры. Теперь здесь не было ни холода, ни запаха старого мяса — только пыль, осевшая на полу, и гул ветра, гулявшего между балками. Джон остановился посреди пустого помещения и закрыл глаза, представляя, как здесь будет выглядеть всё через несколько месяцев: деревянные перегородки, светлые стены, лампы, которые будут мягко рассеивать свет.

— Здесь будут жить семьи, — тихо произнёс он, будто разговаривал не с Артом, а с самим пространством. — Семьи, которым негде было жить. И они будут знать, что кто-то подумал о них. Что кто-то решил, что они достойны нормального дома.

Арт молча слушал, а потом достал из папки ещё один лист и протянул его Джону.

— Вот список семей, которых жилищный комитет уже готов заселить, как только мы сдадим первую очередь. Тридцать человек. Тридцать жизней, которые мы можем изменить.

Джон взял лист, пробежал глазами по строчкам, и его пальцы слегка дрогнули. Он не любил показывать эмоции, но сейчас в груди что-то сжалось — не от радости, а от тяжести ответственности.

— Тридцать, — повторил он, словно пробуя слово на вкус. — Это не просто цифры, Арт. Это люди. У каждого из них

своя история, свои беды, свои надежды. И если мы ошибёмся... если сделаем что-то не так...

Арт положил руку ему на плечо, крепко, но без нажима.

— Мы не ошибёмся. Потому что ты делаешь всё правильно. Ты видишь в этих стенах не просто кирпичи и бетон. Ты видишь в них будущее. А я позабочусь о том, чтобы это будущее не разрушили бумажки и подписи.

В тот день они работали бок о бок: Джон чертил, измерял, прикидывал, как лучше использовать пространство, а Арт разбирал документы, звонил чиновникам, договаривался о поставках материалов по сниженным ценам. Время летело незаметно, и когда солнце уже клонилось к закату, они наконец остановились, чтобы перевести дух.

— Знаешь, — сказал Джон, глядя на то, как последние лучи солнца окрашивают кирпичные стены в тёплый золотистый цвет, — я всегда думал, что главное — это построить. Но теперь понимаю: главное — это дать людям почувствовать, что их не забыли. Что они не лишние.

Арт улыбнулся, устало, но искренне.

— Именно поэтому мы это делаем. Не ради денег, не ради славы. А ради того, чтобы кто-то, проснувшись утром в своей новой квартире, понял: мир не такой уж враждебный. В нём есть место и для него.

Они ещё долго стояли там, среди пыли и полумрака, глядя, как угасает свет, и чувствуя, что делают что-то по-настоящему важное. Но ни один из них не мог знать, что впереди

их ждёт испытание, которое проверит на прочность не только их партнёрство, но и саму основу их убеждений — веру в то, что даже в самом тёмном углу можно зажечь свет.

Параллельно с работой над Urban Renewal Group Джон строил свою личную жизнь. Он женился на Джилл Так, женщине, которая, как и он, хотела помогать людям. Джилл работала в клинике для наркозависимых и душевнобольных Homeward Bound Clinic, и её работа была для Джона постоянным напоминанием о хрупкости человеческой судьбы. Он видел, как она каждый день сталкивалась с отчаянием, зависимостью и рецидивами, но не теряла веры в то, что человека можно спасти.

Иногда по вечерам, когда Джон возвращался с площадки, уставший, с въевшейся в кожу строительной пылью и с головой, полной расчётов и чертежей, Джилл встречала его так, будто он только что вернулся из долгого и опасного путешествия. Она не спрашивала про сметы и сроки — она спрашивала, как он держится. И в этом простом вопросе было столько тепла, что все тревоги будто оседали где-то у порога, не решаясь переступить дальше.

— Ты опять забыл поесть, — говорила она, ставя перед ним тарелку и усаживаясь напротив, чтобы просто побыть рядом, пока он ест. — Ты строишь дома, Джон, но если не будешь беречь себя, кому они будут нужны?

Он улыбался, устало и благодарно, и тянулся к её руке.

— Прости. Просто сегодня мы заливали фундамент под

мастерские. И я всё время думал: вот эти стены будут держать не только крышу. Они будут держать чьи-то надежды.

Джилл слегка наклоняла голову, в её взгляде смешивались нежность и серьёзность — та самая серьёзность, которую выработывают люди, ежедневно видящие чужую боль.

— Надежды — это хорошо. Но они не заменят тебе сна и нормальной еды. Ты не сможешь быть опорой, если сам будешь на грани.

Наблюдая за её работой, Джон всё чаще задумывался о том, как легко люди растрачивают свою жизнь. В разговорах с Джилл он не раз повторял: «Нужно ценить каждый день». Эта мысль постепенно становилась его внутренним девизом. Он хотел, чтобы люди осознавали ценность жизни не в абстрактных лозунгах, а через реальные возможности — через крышу над головой, через работу, через семью.

Однажды он задержался у неё в клинике, чтобы помочь перенести коробки с расходниками. Проходя по коридорам, он невольно прислушивался к голосам за дверями: чей-то тихий плач, чьи-то резкие, почти злые слова, чей-то усталый смех, в котором не было веселья, а была только попытка не сломаться. В одном из кабинетов он остановился у приоткрытой двери: Джилл сидела напротив молодого парня, который смотрел в пол и теребил край рукава, будто пытался оторвать невидимую нитку.

— Я понимаю, что ты устал, — спокойно говорила Джилл, не пытаясь его торопить. — Но усталость — это не приговор.

Это сигнал. Как лампочка на приборной панели. Она не говорит, что машина сломалась навсегда. Она говорит: обрати внимание, тебе нужно что-то поменять.

Парень поднял на неё глаза, в них была смесь недоверия и отчаянной надежды.

— А если я уже всё испортил? Если нет дороги назад?

Джилл чуть наклонилась вперёд, не вторгаясь в его личное пространство, но давая понять, что она здесь, что слышит его.

— Дорога назад не всегда нужна. Иногда достаточно просто найти дорогу вперёд. Даже если она будет совсем другой.

Когда они вышли из кабинета, Джон молча шёл рядом с ней по коридору, а внутри у него что-то переворачивалось — не от жалости, а от острого, почти болезненного понимания.

— Ты каждый день говоришь им это, — тихо произнёс он, когда они оказались в пустом холле, где гулкие шаги отдавались эхом от холодных стен. — Ты даёшь им не лекарства и не диагнозы. Ты даёшь им мысль, что они ещё могут что-то изменить.

Джилл остановилась, посмотрела на него и чуть улыбнулась — не радостно, а так, как улыбаются люди, которые знают, что впереди ещё много тяжёлой работы, но всё равно готовы её делать.

— Мы все можем что-то изменить, Джон. Даже если кажется, что уже поздно. Главное — не переставать пытаться. Он кивнул, но в груди у него всё ещё гулко стучало это

понимание, словно оно только что нашло своё место.

В тот вечер, когда они вернулись домой, Джон долго сидел у окна, глядя на город, на огни, на бесконечную череду окон в соседних домах, за каждым из которых была своя история, своя боль и свои маленькие победы. Джилл подошла, села рядом, положила голову ему на плечо.

— О чём ты думаешь? — тихо спросила она.

Джон медленно выдохнул, собираясь с мыслями.

— Я думаю о том, сколько людей каждый день стоят на краю. И о том, что иногда достаточно одной правильной стены, одной правильной фразы, одного правильного человека рядом, чтобы этот край перестал быть пропастью.

Джилл подняла голову, заглянула ему в глаза.

— Именно поэтому мы делаем то, что делаем. Ты строишь стены. Я пытаюсь удержать тех, кто уже почти сорвался. Но в итоге мы оба пытаемся дать людям шанс.

Он обнял её, прижал к себе, чувствуя, как её тепло понемногу растапливает ту тяжесть, которая копилась в нём весь день.

— Знаешь, когда я смотрю на то, что ты делаешь, я понимаю: ценность жизни — это не просто слова. Это когда кто-то каждый день решает, что ты стоишь того, чтобы за тебя бороться.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько света, что даже тёмная комната будто стала светлее.

— И ты тоже. Ты борешься за них по-своему. Просто твои

инструменты — это бетон, арматура и чертежи.

Они сидели так ещё долго, молча, слушая, как за окном город постепенно затихает, уступая место ночи.

Каждый день Джилл был выстроен по минутам — приём пациентов, короткие перерывы, чтобы перевести дух, разговоры, в которых нужно одновременно быть и твёрдой, и бесконечно терпеливой. Она замечала каждую мелочь: дрожь в пальцах у пациента, едва уловимую смену интонации, взгляд, в котором надежда боролась со страхом. И именно эта привычка всё контролировать и замечать делала её особенно чувствительной к тому, когда что-то шло не так.

Но однажды привычные вещи перестают сходиться: усталость становится не такой, как после смены, — она будто оседала глубже, забиралась под рёбра и не отпускала даже после долгого сна. Утренние недомогания не похожи на обычную простуду: это была не ломота в мышцах и не першение в горле, а странное, вязкое ощущение, от которого мир на несколько минут становился чуть менее реальным. Джилл списывала это на переутомление, на плотный график, на то, что в городе уже несколько дней висел тяжёлый, неподвижный воздух. Но потом она поймала себя на том, что дважды подряд забывает, зачем зашла в кабинет, и это её встревожило. Джилл не забывала. Она держала в голове десятки историй, имён, дозировок, планов лечения — и вдруг не могла вспомнить простую, будничную вещь.

Она отложила дела, не объясняя никому причин, просто

сказала медсестре, что ей нужно на пять минут выйти, и пошла в аптеку через дорогу. Купила тест, не глядя по сторонам, будто если не замечать мир вокруг, он не заметит её тревоги. Вернулась в клинику, дождалась, когда в женской комнате никого не будет, закрыла дверь и сделала всё по инструкции. А потом положила тест на край раковины и отошла на шаг, словно боялась, что результат может быть заразным — может перескочить с полоски на её жизнь и изменить её навсегда.

Тишина в маленькой комнате была почти осязаемой. Секунды тянулись, как минуты. И когда на тесте проявились две чёткие линии, Джилл не вскрикнула, не села на пол, не закрыла лицо руками. Она просто стояла и смотрела, а внутри у неё медленно, но уверенно нарастало чувство, похожее на рассвет: сначала едва заметное, потом всё ярче, пока не стало невозможно его игнорировать.

Когда Джон вернулся домой, Джилл не устраивает шоу. Она не зажигала свечи, не готовила сюрприз, не прятала подарок за спиной. Она просто встала напротив него, взяла его руки — ладони у неё были чуть прохладные, и он это сразу почувствовал — и сказала спокойно, но так, что в этом спокойствии слышно всё напряжение и всю надежду сразу:

— У нас будет ребёнок.

Джон замирает, будто боится спугнуть момент, будто если он сейчас сделает слишком резкий вдох, всё исчезнет, растворится, как сон при ярком свете. На долю секунды в его

глазах мелькает растерянность — не потому, что он не рад, а потому, что счастье оказалось слишком большим, чтобы сразу в него поместиться. А потом он улыбается — и эта улыбка у него не такая, как раньше: в ней нет ни напряжения, ни тяжести, только чистое, почти детское удивление, будто ему подарили что-то, о чём он даже не смел просить.

— Правда? — тихо спрашивает он, будто слово может всё испортить, если произнести его слишком громко.

Джилл кивает, и в её глазах блестят слёзы, но это не слёзы слабости — это слёзы, которые появляются, когда слишком много света.

— Правда, — шепчет она, крепче сжимая его руки.

Он притягивает её к себе, обнимает так бережно, словно она теперь состоит из чего-то более хрупкого, чем раньше, и утыкается лбом ей в плечо. И в этом объятии — вся его благодарность, вся его решимость, всё его желание защитить то, что только зарождается.

С этого момента их дом начинает меняться незаметно. Они не кричат о счастье на каждом углу, не развешивают повсюду фотографии с УЗИ, не обсуждают планы так, будто это строительные чертежи, требующие немедленного согласования. Но в их разговорах появляется новое слово — «мы». И это «мы» теперь включает кого-то третьего, кого ещё нет, но кто уже меняет всё.

Однажды вечером, когда город за окном уже погрузился в полумрак, Джон сидел на полу в гостиной, прислонившись

спиной к дивану, и держал в руках старый альбом с эскизами. Он листал страницы, где на полях были набросаны идеи для будущих проектов, и вдруг остановился на чистом листе. Взял карандаш и начал рисовать не стены и не перекрытия, а крошечную комнату: окно побольше, чтобы в неё попадало солнце, шкафчик с закруглёнными углами, кровать у стены. Линии выходили неуверенными, но настойчивыми — будто он пытался удержать это будущее, зафиксировать его на бумаге, чтобы оно точно сбылось.

Джилл присела рядом, оперлась плечом о его плечо, и они долго молчали, глядя на этот незамысловатый рисунок.

— Знаешь, я всегда думал, что самое важное — это дать людям крышу над головой, — тихо произнёс Джон, не отрывая взгляда от листа. — А теперь понимаю: крыша нужна не только чтобы укрыться от дождя. Она нужна, чтобы под ней можно было расти. Чтобы кто-то маленький мог делать свои первые шаги и знать, что мир его не ударит.

Джилл положила голову ему на плечо, и её голос прозвучал спокойно, но твёрдо:

— Он будет знать. Потому что ты будешь рядом. И ты покажешь ему, как устроен мир. Покажешь, что даже в самых крепких стенах есть место для нежности.

Джон накрыл её руку своей, и в этом жесте было обещание: он построит не просто дом. Он построит пространство, где будет безопасно мечтать, ошибаться и снова пробовать.

В следующие недели они стали замечать друг в друге ед-

ва уловимые перемены: Джон чаще возвращался домой до темноты, будто боялся пропустить что-то важное, а Джилл, даже уставшая после смены, находила силы улыбаться чуть дольше, чем раньше. Они не говорили об этом вслух, но оба чувствовали: их миссия стала шире. Теперь она касалась не только чужих судеб, но и одной конкретной, ещё не прожитой жизни, которая скоро станет частью их «мы».

И дни текли, наполненные тихой, почти трепетной суетой: Джон прибивал полки, которые пока нечему было заполнять, а Джилл перебирала крошечные вещички, купленные «на вырост», и улыбалась, представляя, как скоро они пригодятся. Они старались не торопить время — словно боялись, что, если слишком громко обрадоваться, счастье рассыплётся, как сухой песок сквозь пальцы. Но однажды вечером, когда за окном уже давно стемнело, а в квартире горел только мягкий свет настольной лампы, они наконец решились на то, что откладывали до последнего, — выбрать имя.

Они сидели на диване, прижавшись друг к другу, перед ними лежал раскрытый блокнот, исписанный десятками вариантов, перечёркнутых и отмеченных вопросительными знаками. Джон водил пальцем по строчкам, будто пытался нащупать в буквах правильный ритм.

— «Эван»... звучит сильно, но как будто уже несёт на себе чью-то чужую историю, — пробормотал он, отводя взгляд.

Джилл покачала головой, чуть нахмурившись:

— «Калёб» мне нравится, но оно будто требует от него

сразу быть мудрым, а он ещё даже не родился. Разве можно требовать мудрости с первого вдоха?

Джон тихо усмехнулся, и в этом смехе было столько нежности, что Джилл невольно улыбнулась в ответ.

— Ты всегда видишь в именах целые судьбы, — сказал он, наклоняясь к ней и целуя её в висок.

Она пожала плечами, но в её глазах светилось упрямое желание сделать всё правильно.

— Потому что имя — это первое слово, которое мир скажет ему. Оно должно быть таким, чтобы он знал: его ждали.

Тишина повисла в комнате, густая и тёплая, и в этой тишине вдруг всплыло одно слово — то, что давно жило где-то на краю их разговоров, но до сих пор не звучало вслух.

Джон медленно выдохнул, будто пробуя его на вкус, и произнёс тихо, почти шёпотом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.